

М у д р ы й М а ч ч и .

Жила-была въ одной деревнѣ вдова съ дочерью и сыномъ. Дочь была молодая дѣвица; и вотъ когда она однажды утромъ вышла изъ дома — выполоскать на берегу озера вѣники, — увидѣла на другой сторонѣ озера домъ, поглядѣла на него и расплакалась. Приходить въ избу къ матери, а сама плачетъ забываетя. «Что же ты плачешь, милая дочка?» спрашиваетъ у ней мать, «обидѣль тебя кто-нибудь или слово грубое сказалъ?...» — Нѣть, маменька, отвѣтъ дочь, не обидѣль меня никто, и слова грубаго я не слышали ни отъ кого; а плачу я отъ того, что когда полоскала вѣники увидѣла на другой сторонѣ озера на самомъ берегу домъ — и подумала: а что еслибы да меня выдали замужъ въ тотъ домъ; родился бы у меня ребеночекъ-мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на «уличку», ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ... Вотъ чего я, милая матушка, и плачу такъ сильно»... Мать выслушала свою плачущую дочь, и сама разжалобилась, сѣла на скамейку рядомъ съ дочкой и давай плакать... Плачутъ обѣ мать и дочь... Приходить съ работы сынъ и спрашиваетъ: чего вы плачете, мать и сестра?... Обидѣль ли кто васъ или слово грубое кто сказалъ?... — Нѣть, не обидѣль насть никто, и слова грубаго мы не слышали ни отъ кого, а плачимъ отъ того, что сестра твоя дѣвица пошла сегодня вѣники полоскать въ озерѣ; полоща, она увидѣла на другой сторонѣ озера на берегу домъ и подумала, что если бы она была выдана туда замужъ, родился бы у ней ребеночекъ — мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на уличку, ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ бы... вотъ чего мы и плачимъ, вотъ изъ за чего и слезы роняемъ... Выслушавъ сына — мать и сестру и въ первое время просто изумился: «—ну, говорить онъ имъ, сколько живу на сѣмъ свѣтѣ такихъ глупыхъ людей еще не видаль... Пойду скитаться по миру, и если найду трехъ человѣкъ глупѣе васъ, то ворочусь, а если не сыщу нигдѣ, то не ждите больше отъ меня мягкихъ и теплыхъ хлѣбовъ...»

Собралъ Маччи котомочку, вскинуль ее за плечи и отправился въ дальнюю сторону. Идеть день, идеть другой, наконецъ, приходить въ одну деревню и останавливается въ ней на почлегъ. Вечеромъ жильцы-хозяева, того дома, въ которомъ онъ остановился, отправились въ баню... Только что за чудо? Идуть люди въ баню, а подштанники дома оставляютъ. Напарились, намылись хозяева въ банѣ и возвращаются домой безъ подштанниковъ. Вонши въ избу, и всѣ мужчины поднялись на полку, а бабы ихъ подштанники несутъ и подъ самой полкой прилаживаютъ ихъ въ стоячемъ положеніи... Скочилъ одинъ мужикъ, скочилъ другой, — все мимо подштанниковъ, никакъ въ цѣль не попадаютъ. Въ каждый разъ, какъ скочить кто не удачно, не попадеть въ подштанники, хлопъ свою бабу по щекѣ, зачѣмъ-молъ худо подштанники подставила... Снова оттуда скачутъ, — и опять неудачно, опять мимо подштанниковъ — и ну бить бабъ... До самой полуночи бились съ подштанниками и утомились до смерти... Маччи глядѣль — глядѣль на эту бестолковщину и заговорилъ: «Зачѣмъ все это вы, крещеные, дѣлаете? Развѣ такъ подштанники одѣваютъ? Одѣть ихъ можно иначе, да и съ большимъ удобствомъ»... — Какъ?... Скажи, пожалуйста, научи, мы за это тебѣ заплатимъ... «Да вотъ какъ», говоритъ Маччи, самъ сѣль на лавку, протянуль ноги и руками легко натянуль подштанники... Хозяева просто рты разинули; — Сколько, говорятъ живемъ мы на свѣтѣ, до сихъ поръ и въ голову не приходилъ этотъ простой способъ одѣвания подштанниковъ... Спасибо тебѣ, добрый молодецъ, что научилъ... Накорили, напоили Маччи да еще дали денегъ 5 рублей.

Идетъ Маччи дальше. Приходитъ опять на почлегъ въ одну деревню. Сидѣть хозяева, ужинаютъ «хутту» (каша изъ ржаной муки) ёдятъ... Возьметъ каждый ложку «хутту» и бѣжитъ въ чуланъ за сметаной; сѣсть ложку, другую хватить и опять въ чуланъ за сметаной и т. д. и т. д... Глядѣль-глядѣль Маччи на это бѣганье изъ избы въ чуланъ, и потомъ обратно—изъ чулана въ избу и говорить: «Зачѣмъ вамъ бѣгать каждый разъ съ ложкой «хутту» въ чуланъ? Вѣдь это очень утомляетъ, а можно бы сдѣлать такъ, что и бѣгать не придется»...—А какъ же, спрашиваютъ хозяева, если можешь такъ, пожалуйста, ужъ научи, а мы тебѣ за это заплатимъ... «Да вотъ какъ, говорить Маччи, смотрите», и самъ принесъ горшокъ со сметаной изъ чулана и поставилъ его на столъ,—хозяева такъ и ахнули отъ изумленія: «сколько, говорятъ они, на свѣтѣ жили, а до сихъ порь вѣдь такъ устроить—и въ голову не приходило». Напоили накормили Маччи и дали еще ему 5 руб. за выучку.

Идетъ Маччи дальше и думаетъ дорогой: въ двухъ мѣстахъ нашель глупыхъ людей, а если въ третью еще найду, тогда домой возвращусь и буду кормить мать и сестру... Приходитъ Маччи опять въ деревню; только зашелъ онъ въ деревню, видить, какъ изъ одного дома выскочило на улицу четыре человѣка съ припономъ; разостлали его на солиценекъ, потомъ снова быстро послѣшно схватили его за четыре угла и опять унесли въ избу. Скоро опять выскочили изъ избы, снова разостлали припонъ и обратно въ горопяхъ снесли въ избу и т. д. и т. д. Долго глядѣль на это Маччи и никакъ не могъ понять, что бы это значило: люди съ припономъ бѣгаютъ; по видимому ничего не носятъ, а разстелютъ только на солиценекъ и опять въ избу несутъ; поть на лицахъ ручьями льется.... Глядѣль Маччи и спрашивается у этихъ людей: «Что вы дѣлаете, добрые люди? Я стою и смотрю и никакъ не могу понять, надѣ чѣй вы такъ стараетесь»...—Ой, братъ, говорить Маччи четыре человѣка, не мѣшай намъ въ нашей работе... Вотъ выстроили домъ,—домъ хороший, крѣпкій, жить только, въ немъ, такъ вся бѣда въ томъ, что свѣту нѣть; вотъ мы и стараемся въ припонѣ занести свѣтъ въ избу... Но ужъ скоро годъ, какъ трудимся, а до сихъ порь въ избѣ темно, какъ въ могилѣ... «Да зачѣмъ же вамъ такъ свѣтъ въ избу носить? Можно иначе и гораздо легче сдѣлать это»...—А какъ же, спрашиваютъ Маччи?... Если ты знаешь какое другое средство, такъ, пожалуйста, научи, а мы будемъ очень тебѣ благодарны и за то тебѣ деньги заплатить. «Да вотъ какъ, говорить Маччи: раздать каждому по топору, и самъ взялъ топоръ, и давай рубить окна въ избу. Прорубили 5 оконъ въ избу: 3 съ лица и по одному съ боковъ, и въ избѣ стало свѣтло, какъ на улицѣ... Стоять мужики, удивляются и думаютъ: какъ это имъ прежде въ голову не могло прийти такое простое средство освѣтить избу... Напоили, накормили Маччи и въ благодарность дали ему еще 5 рублей денегъ... Взялъ Маччи деньги и пошелъ домой... Пришелъ домой и говоритъ матери и сестрѣ: «ваше счастье, нашель въ трехъ мѣстахъ людей глупѣе васъ, ѿште хлѣбъ до самой смерти, буду кормить безъ словечка»...

Н. Лѣсковъ.

Ш у т ь Г р и г о р ی.

Въ одной деревнѣ жиль-былъ крестьянинъ, по имени Шутъ-Григорій. Не даромъ такое имя дано было ему. Не было ни проѣзду, ни проходу ни конному, ни пѣшему, котораго бы Григорій не обозвалъ какъ-нибудь. И какъ кого прозоветь, такая кличка за тѣмъ человѣкомъ навѣтъ и останется; «какъ гвоздями прѣбѣть», поговаривають обѣ этой способности Григорія соѣди-мужички. Украсть, обмануть, соблазнить дѣвушку, «опохожать» (т. е. осмотрѣть и стащить потомъ рыбу) чужую ловушку—никто не могъ такъ ловко, какъ это дѣлалъ Григорій. Всѣ знаютъ, что это Григорій сдѣлалъ, его работа,—но уличить никогда не могутъ. Такъ ловко спрячьтъ концы, что самому, «наналайнѣ» не отыскать. Цѣлыми днями иногда Григорій ничего не дѣлалъ: лежить себѣ на теплой печи и придумываетъ—какую-бы ему еще штуку выкинуть. Лежить насиживаетъ, какъ бы тетерокъ приманиваетъ, а жена его ужъ горячіе «ростѣги» (особый видъ пироговъ) масломъ мажетъ да съ поклонами Григорію подносить. А Григорій есть да ухмыляется: умѣль, говорить, нажить, умѣю и есть. Слезеть иной разъ вечеромъ съ печки, напицаетъ лучину или сплетаетъ корзину и опять па цѣлый вечеръ нравъ, сидѣть безъ дѣла, разсказываетъ сказки, прибаутки, загадываетъ загадки да семейныхъ смѣшишь. Даже русскіе прѣѣзжали слушать Григоріиныхъ сказокъ. Прѣѣхать это съ деньгами, по недѣлѣ сидѣть на подпольницаѣ, рта не смѣютъ открыть, слушаютъ его... А Григорій спдить себѣ на печкѣ, ногами похахиваетъ да языкомъ болтаетъ. Лѣтомъ—ничего дѣлать, такъ Григорій въ лѣсъ сходитъ, бересты надереть, мачики ребятишкамъ дѣлаетъ и цѣлые дни этимъ забавляется; какъ глупенъкій рѣзится, скачетъ, на одной ногѣ прыгаетъ, «кода»—мачикомъ играетъ. Не было у Григорія никакой скотины въ домѣ, только и было у него, что черная, старая кошка да собака Мутти. Разъ вздумалось Григорію идти «пало» (пожогу) пахать. Лошади у него своей не было; вотъ онъ и пошелъ къ попу лошади просить. Батюшка, говорить Григорій, думаю идти «пало» пахать, такъ одолжи пожалуйста лошади и сохи,—возвращу съ благодарностью...—«Да вѣдь ты напакостишь только, Гришка, говорить ему попъ. Я дать дамъ, мнѣ не жалко, отчего не дать человѣку въ нуждѣ, но не будетъ только съ тебѣ пахаря; какой съ тебѣ пахарь?... Ты бы шель лучше къ русскимъ да языкомъ у нихъ болтать, да денежки за это получать: вѣдь они до этого охотники»...—Нѣть, батюшка, дай ты мнѣ лошадь и сохи; буде что случится съ ними недобroe, тебя самого позову, не полѣнюсь, сбѣгаю... Взялъ Гришка лошадь и цѣлый день возился съ ней, пахаль-царапаль «пало». Вечеромъ ёдеть домой... Прѣѣзжаетъ мимо болота, глядить болото-вязкое, глубокое, взялъ да и заѣхалъ въ него: «а пустъ, говорить, околѣваетъ лошадь, у попа ихъ много». Взялъ потомъ—почти совсѣмъ отрубилъ у лошади голову, только на верхней шейной шкуркѣ оставилъ висѣть, и самъ съ крикомъ и плачемъ побѣжалъ въ деревню къ попу. «Ой, батюшка, несчастье случилось со мной: лошадь твоя завязла въ болотѣ, стоптъ, золотая, хвостомъ не шевельнетъ, до самаго брюха въ болото ушла...» Попъ съ крахтеньемъ и неудовольствіемъ поднялся и крѣпко выругалъ Григорія: «говорилъ я тогда тебѣ, сатанинская голова (сатананъ шї), что гдѣ тебѣ съ лошадью справляться,—вѣкъ чего въ рукахъ не бывало, за то бы и не брался, а то вотъ теперь изъ-за тебя, дурака, приходится мнѣ самому трудиться...» Пришли попъ и Григорій къ болоту; лошадь, дѣйствительно, какъ говорилъ Григорій, стонть, хвостомъ не шевельнетъ; мертвая, такъ будетъ ли шевелить?...

Какъ же теперь вытащить лошадь? А вотъ что, батюшка, говорить Гришка, я, какъ простой мужикъ, буду пихать лошадь съ хвоста, съ зади: мнѣ простому мужику живѣть; а ты, какъ попъ, будешь тащить съ головы... Поправился такой распорядокъ попу. Накибуль онъ на голову лошади петлю, выбралъ носушье място на кочкѣ, оперся правой ногой о пень и давай тащить лошадь что есть мочи... «Ой, батюшка, говорить Гришка, не тащи такъ сильно лошадь, неравно голова оторвется». Попъ тащелъ, тащилъ.—голова у лошади вдругъ оторвалась, и онъ, какъ снопъ (или—какъ стручекъ), «палг», хлонулся на пень; едва живъ остался, такъ сильно ударился жирной спиной о пень. А Гришка правъ: говорилъ я тебѣ, батюшка, тише нужно тянуть, не послушался, на себя теперь и пемя: голову у лошади оторвалъ и спину себѣ досадилъ...» А самъ въ это время отвернется въ сторону и смѣется надъ простоватымъ попомъ...

Случилось также Григорью весной ходить въ лѣсъ на тетѣрь. Ходить Григорий по «корбѣ» (густой лѣсъ) со своей Мутти, ходить посвистываетъ, не столько тетѣрь стрѣляетъ, сколько пѣсень поетъ. Пришло время обѣденное, солнышко высоко надъ лѣсомъ поднялось, и стала Гришка обѣдъ варить. Развелъ огонь, положилъ рыбчика въ горшокъ, налилъ его водой и поставилъ на огонь кипятиться... Ужъ булькаетъ, кипитъ, паръ съ горшка столбомъ валитъ,—слышитъ вдругъ Григорий, что идутъ къ нему изъ проѣзжку какіе-то люди, топорами звѣнять, ружьями щоцелкиваютъ—должно быть разбойники. Гришка скорѣхонько затопталъ огонь, нарылъ на него сиѣгу, а горшочекъ поставилъ на растаявшую кочку, самъ стоитъ и надъ горшкомъ палочкой помахиваетъ, а горшокъ свое дѣло дѣлаетъ—пары пускаетъ, пріятныи запахомъ носъ щекочеть. Подходить разбойники. «Что ты, Гришка, дѣлаешь? спрашиваютъ они; зачѣмъ палочкой надъ горшкомъ помахиваешь?—А посмотрите, говорить Гришка, подойдите поближе, поглядите, что съ горшкомъ дѣлается... Смотрятъ разбойники и удивляются,—горшокъ изъ головы кочкѣ стоять, а рыбчикъ въ немъ ужъ совсѣмъ готовъ,—сварился.

«Продай, говорить Гришка разбойники, продай намъ эту горшокъ. Намъ онъ очень бы годился: на промыслѣ иной разъ вздохнуть некогда, столько работы бываетъ, гдѣ ужъ тутъ бабынъ дѣломъ заниматься: оговы разводить да обѣдъ варить; а въ горшокъ твой чего только ни накладъ, все мигомъ безъ огня скипить». — Отчего же, говорить лѣниво Гришка, отчего же и не продать? Продать можно, лишь бы деньги дали хороши. — «А сколько же ты просиши?»—Да ни много, ни мало, а рублей 10. Покопались разбойники у себя на вороту, въ кожанныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдуль... Проходить недѣля... Гришка начинаетъ побаиваться, что вотъ вотъ разбойники нагрянутъ на его дому и тогдѣ ему плохо придется за обманъ. Думаетъ, что къ такой-то день они непремѣнно придутъ къ нему, и идеть въ этотъ день опять въ лѣсъ на охоту съ неразлучимъ Мутти. Предъ уходомъ въ лѣсъ поймалъ Гришка дѣвъ маленькихъ птичекъ—трясогузки (паске чивчую), совершенно другъ изъ друга похожихъ. Одну берѣтъ съ собой въ лѣсъ, а другую дома бабѣ оставляетъ; «да смотри, баба, говорить Гришка, чтобы сегодня ты у меня, какъ можно больше, пироговъ напекла: ростеговъ, сканцевъ съ кашей, чупуковъ, кекачей, колобовъ..., сегодня у насъ гости будутъ, да, смотри, не забудь, приготовь все, какъ слѣдуетъ, по хорошему, иначе я у тебя живой шкуру сдеру». Попшелъ Гришка въ лѣсъ. Опять, какъ и въ первый разъ, ходить по корбѣ, посвистываетъ, не столько тетѣрь стрѣляетъ, сколько пѣсни распѣваетъ. Поднялось солнышко высоко надъ лѣсомъ, наступило время обѣденное, слышитъ Гришка, что какіе-то люди къ нему изъ проѣзжку подходятъ, топорами звѣнять, ружьями щоцелкиваютъ.—Разбойники, думаетъ Гришка, а у самого «брюху отъ страху ниже ножныхъ иальцевъ упало» (корельское выраженіе для обозначенія страха). «Ну да раньше времени бояться нечего; посмотримъ, кто кого обидитъ»; встряхнуль волосами, стоять и поджидаетъ гостей.—А, вотъ самъ Гришка, говорить разбойники, завидѣвъ Григория. Ты что, братъ, обманулъ насъ, деньги взялъ сполна, а горшокъ даль нигдѣ негодащійся. Мы палочкой надъ нимъ махали, махали, а щѣй себѣ однако не сварили.—Вотъ за это тебя слѣдуетъ убить. «За что убить? говорить въ отвѣтъ Гришка;

не я въ томъ виноватъ, что у васъ горшокъ безъ огня не кипитъ; нужно было вами слова нѣкоторыя выучить, безъ которыхъ ничего не будетъ, хоть годъ палочкой комахай... Не вѣрите мнѣ? Вотъ у меня въ рукахъ птичка — трясогузка, самая обыкновенная птичка, а стоять только пошептать ей въ ухо нѣсколько словъ, и она, какъ стрѣла, прямо подѣтить къ моей бабѣ и передастъ вѣсть, чтобы обѣдъ для гостей хорошихъ готовила: чупуки и растеги с trapala, блины пекла, кофей варила...» — Ужели, Гришка, у тебя птичка такая есть? Пожалуйста, сдѣтай такую милость, отиравь ей къ бабѣ, пусть она обѣдъ готовить, и мы бы у неї встали поѣли... «Отчего же, говорить лѣниво Григорій, можно...» Взялъ птичку, пошепталь ей въ ухо и пустилъ ее въ лѣсъ на всѣ четыре стороны... Птичка быстро вспорхнула и скоро скрылась изъ глазъ разбойниковъ. Идуть разбойники въ домъ Гришкинъ, а сами сомнѣваются: — «Ужели, говорить между собой, птичка-то и вправду къ бабѣ слѣдѣла и приказъ отдала — обѣдъ готовить». Приходять, наконецъ, въ домъ — и что же? Птичка на окнѣ по стекламъ порхаетъ, а у бабы уже пироги масломъ намазаны, обѣдъ готовъ, кофей сваренъ, послѣдній «чупукъ» съ кашей свѣртывается.

Сѣли разбойники за столъ, ёдятъ, пьютъ, ёду похваливаютъ, но больше и больше птичкѣ удивляются. — Ну, и птичка у тебя, Гришка; не птичка, а кладъ, продай ты ей намъ; она намъ очень бы погодилась; въ другой разъ далеко въ лѣсу бродишь, придешь домой холодный, голодный, а у бабѣ ничего, оказывается, не приготовлено; а будь такая птичка, какъ у тебя, взялъ бы да заблаговременно и послалъ ей, и вѣдѣль бы передать бабамъ, — чтобы обѣдъ скорѣй готовили, и было бы очень удобно. Продай намъ, Гришка, её... — «Отчего же, говорить лѣниво Гришка, и не продать; продать можно, лишь бы деньги дали хорошія!...» — А сколько же ты просишь? — «Да ни много, ни мало, а рублей 10». Покопались разбойники у себя на вороту въ кожанныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка имъ намѣсто птичку дала, и самъ радъ, что деньги получила и разбойниковъ обдуль.

Проходитъ недѣля, другая... вдругъ въ одинъ день нагрянули разбойники въ Гришкинъ доіть, связали Гришку по рукамъ и ногамъ и говорять ему: «ну, теперь мошенникъ, не уйдешь отъ насть; полно тебѣ обманывать насть, какъ маленькихъ дѣтей; будешь тебѣ — п деньги выманивать; пришло время свести съ тобой счеты...» Взяли связанного Гришку, посадили въ куль, куль зашили, бросили его на возъ и повезли на ледъ озера. Привезли на средину озера, и всѣ общими голосомъ порѣшили утопить Гришку... Но, какъ на грѣхъ, ни у кого не оказалось съ собой пешни (*«пуразъ»*), чтобы сдѣлать прорубь. Подумали разбойники, потолковали и отправились всѣ домой за пешней, а Гришку, зашитаго въ куль, оставили тутъ же, на озерѣ, не уѣхѣть, моль, а возить его зря взадъ и впередъ не стоить. Сидѣть Гришка въ кульѣ и думаетъ: «насталь, должно быть, мой конецъ, теперь ужъ никакъ не вывернешься, приходится, вѣрно, умирать; ну, пожилъ и — довольно...» Слышишь вдругъ какъ-будто вдали колокольчикъ ямщицкій зазвенѣль. — Должно быть баринъ какой-нибудь проѣзжій ёдетъ... Гришка сейчасъ же на хитрость пустился; сидѣть въ кульѣ и такъ жалобно стонеть: «хотять въ посы ставить, а грамотѣ не умѣю; хотять въ посы ставить, а между тѣмъ грамотѣ не знаю...» Подѣхалъ проѣзжій баринъ поближе, замѣтилъ куль, прислушался: — кто-то стонеть: «Хотять въ посы ставить, а грамотѣ не умѣю»; вѣдѣль баринъ ямщику остановиться, распоролъ куль и вывелъ на свѣтъ Божій Гришку. «Какимъ образомъ попалъ ты въ куль?» спрашивается баринъ Гришку. — Да вотъ, добрый человѣкъ, говорить Шутъ, хотѣли меня попомъ сдѣлать, а я грамотѣ не знаю и не хочу идти въ посы, такъ меня, чтобы хотя насилино въ посы поставить, взяли и зашили въ куль... Выслушалъ баринъ Гришку, и самому ему захотѣлось сдѣлаться попомъ: «Если ты не идешь въ посы, говорить онъ Гришкѣ, такъ пусти меня, я грамотѣ умѣю...» — Отчего же, лѣниво отвѣчаетъ Гришка, можно; только тебѣ, баринъ, слѣдуетъ въ мою одежду нарядиться, и въ куль сѣсть. Баринъ безъ словечка согласился: снялъ съ себя енотовый тулупъ, черные сапоги, одѣлся въ Гришкинъ каftанъ и засѣлъ въ куль, а Гришка зашилъ его. Потомъ Гришка одѣлся въ барское платье, засѣлъ въ

барских сани, свистнуль я поехаля... А между тымъ баринъ сидить въ кулы и твердить: хотять въ попы ставить, и я грахотъ вилю. Пришли разбойники, принесли пешню, сдѣлали ею прорубь и спустили туда кулы съ бариномъ. «Ну, теперь не выскочить ттуда, говорятъ разбойники, смотри только пузырьки встаютъ на поверхности. Хотѣли уже уходить домой—глядѣть—на встрѣчу ишь Гришка ёдетъ. Сидить въ саняхъ, развалился, какъ баринъ, въ синотовомъ тулупѣ, въ черныхъ сапогахъ, и подъ другой колокольчикъ звенитъ. Разбойники какъ увидѣли, такъ и ахнули; сняли шапки, поклонились Гришкѣ и спрашиваютъ у него: «Сдѣлай милость, скажи какимъ образомъ ты живъ остался и лошадей гдѣ нахилъ, вѣдь сейчасъ только мы утопили гебя въ озерѣ...»—Эхъ, братцы, говорить ишь Гришка, вы хотѣли мнѣ зло сдѣлать, ань оказалось, что вы мнѣ добро сдѣлали; опустился я это на дно озера, а тамъ, братцы, каждому, ито съ этого свѣта туда спустится, лошадей даютъ, сани и хорошую одежду; каждому, кто бы ни пришелъ туда...

«Ой, Гришенька, спусти насть въ прорубь, стали просить разбойники, спусти въсъ подъ ледь, мы тебѣ благодаримъ...» Отчего же, говорить язвиво Гришка, можно... Прыгайте сами въ прорубь, а тамъ на днѣ увидите и повѣрите, что я вамъ правду говориль.

Стали прыгать разбойники въ прорубь, и послѣ нихъ только пузырьки встаютъ на поверхности. Прыгнули одинъ, прыгнули другой, а остальные ждутъ своихъ товарищъ, стоять около проруби... «Что же, говорятъ Гришкѣ разбойники, наши товарищи такъ долго не возвращаются, пора бы, кажется, прийти имъ обратно...»—Ахъ, братцы, отвѣчалъ Гришка, они, не какъ я, выбираютъ лучшихъ лошадей и покрасивѣе сани... Я такъ пряно: хватилъ, что было поближе да поскорѣе вонъ, а они видишь не такъ: выбираютъ какъ бы все получше... «Такъ пожалуйста, Гриша, спусти насть поскорѣе подъ ледь...»—Прыгайте всѣ скорѣе да по очереди, чтобы не препятствовать другъ другу. И всѣ разбойники другъ за дружкою поскакали въ озеро... А Шутъ-Григорій радъ, что живъ остался и отъ разбойниковъ навсегда отвязался.

Пастухъ и дьяволъ.

Въ однѣй деревнѣ жилъ былъ молодой пастухъ, по имени Пекко. Пасъ коровъ Пекко хорошо: на ночь въ лѣсу не оставлялъ, утромъ, на пастбище рано прогонялъ и пасъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ росла трава до поясу (по поясъ). Хвалять Пекко бабы, не нахваляются... Вотъ однажды, когда Пекко былъ со стадомъ далеко въ лѣсу, приходитъ къ нему дьяволъ (паналяйнѣ) и говорить ему: давай Пекко—помѣряемся силой...—Отчего же, отвѣчаетъ ему Пекко, помѣряться можно, я не прочь; вотъ возьмемъ каждый по камню изъ «кившали» (груда камней, собранная на полѣ), и кто можетъ такъ зажать его сильно въ рукѣ, что изъ него потечетъ вода, тотъ будетъ сильнѣе... Дьяволъ со смѣхомъ взглянуль на молодаго пастуха, осѣльвшишагося такъ дерзко говорить съ нимъ, взялъ камень и крѣпко сжалъ его въ своей рукѣ. Камень хрустнулъ и разсыпался мелкимъ пескомъ. «Ну, иѣть, братъ, говорить ему Пекко, это еще не сила, у тебя вода не течетъ изъ камня, а вотъ погляди-ка, какъ я буду дѣйствовать...» Предъ приходомъ дьявола Пекко—только что испекъ на огнѣ нѣсколько рѣпинъ—«пачай» и спряталъ ихъ между камнями въ «кившаллю». Теперь онъ вытащилъ одну изъ нихъ, сжалъ въ рукѣ, и изъ «пачай» потекла вода. «Смотри-ка, братъ, говорить дьяволу, у меня изъ камня вода течетъ». Дьяволъ удивился силѣ Пекко и сталъ просить его, что бы онъ сдѣлался его работникомъ. «Отчего же? можно».. говорить Пекко, направилъ стадо коровъ по дорогѣ къ деревнѣ, а самъ пошелъ съ дьяволомъ—служить ему... Работаетъ Пекко въ домѣ дьявола, ходить съ тоиоромъ по улицѣ, но угламъ избы обухомъ пощелкиваетъ. Вотъ разъ дьяволъ съ Пекко отправились въ лѣсъ дрова рубить. Срубилъ дьяволъ громаднѣйшую ель и, не обсѣкай вѣтвей, хочетъ тащить ее домой... Видѣть Пекко, что дѣло плохо, и если не схитрить, то, пожалуй, еще издохнешь подъ тяжестью дерева... «Я, говорить онъ дьяволу, такъ какъ буду сильнѣе тебя, то понесу «комаль», а ты иди въ переди неси дерево за верхушку, по твоимъ силамъ и этого достаточно»... Взваливъ вѣтвистую верхушку на плечи, дьяволъ тащить, крахтить, а Пекко сидить на комлѣ и пѣсни поеть... «Да смотри ты у меня, покривкаешь онъ на дьявола, если будешь останавливаться да оборачиваться назадъ, такъ-таки между лопатокъ тоиоромъ и щелкну». Идетъ дьяволъ, крахтить подъ тяжелой ношой, а остановиться и обернуться ни разу не смѣеть: боится, что тоиоромъ отъ работника дстанется. Приходитъ дьяволъ домой и разсказываетъ женѣ: «ну, и работникъ же наимъ попался, жена; силища такая, что и сказать нельзя... Сегодня я въ лѣсу парочно срубилъ самую большую ель и, не обрубая вѣтвей, понесъ. Пекко самъ выпросился «комель нести, а миѣ верхушку даль. Я едва несъ, охахъ, ноги подламываются, а онъ легонько такъ несетъ, пѣсни поеть да на меня покривкаетъ: если хоть разъ-моль оглянешься, такъ-таки тоиоромъ и свистну между лопатокъ. Что теперь наимъ дѣлать съ такимъ сиаечемъ?—Убить его слѣдуетъ, совѣтуетъ дьяволу жена, иначе никакъ отъ него не отважишься. Какъ пойдеть онъ спать въ сарай, въ сани, говорить она мужу, уснеть тамъ, ты возьми тоиоромъ, поди и щелкни его по головѣ, ужъ навѣрное тогда сдохнетъ. Дьяволъ согласился, и рѣшено было убить Пекко въ первую же ночь. А Пекко между тѣмъ стоялъ въ сѣнахъ за дверью, слышаъ отъ слова до слова весь совѣтъ «паналяйнѣ» съ женой. «Ну, думаетъ онъ, не такъ-то вы скоро отважитесь отъ меня; кто кого еще выживеть?»

Послѣ ужина, Пекко спокойно, какъ будто ни въ чёмъ не бывало, отправился спать въ сарай. Легъ въ сани и ждеть, что дальше будетъ. Слышитъ, что въ сарай идеть дьяволъ, на саночкахъ подходитъ къ санямъ и прислушивается—снить ли Пекко или нѣтъ... Пекко же, что есть мочи, захрапѣлъ, показывая видъ, что крѣпко спить. Возвратился дьяволъ изъ сарая и говорить женѣ: давай скорѣй топоръ, работникъ спить крѣпко, настало время сплавить его съ этого свѣту. Снова идеть дьяволъ въ сарай, только тепоръ уже съ топоромъ, намѣреваясь сразу же прикончить съ сильнымъ работникомъ. А Пекко между тѣмъ, пока дьяволъ ходилъ за топоромъ въ избу, вылезъ пзъ саней, и въ сани на мѣсто себя положилъ чурбакъ, обвернулъ его кафтаномъ, а самъ забрался подъ сани и ждеть. Приходитъ дьяволъ вторично въ сарай; подбѣжалъ это къ санямъ и что есть мочи—хвать по чурбану топоромъ: Ну, жена, теперь ужъ, навѣрное, издохъ; пойдешь, ляжемъ спать, уснемъ спокойно, а завтра закопаемъ Пекко въ болотѣ. На утро Пекко встаетъ, преспокойно идеть въ избу п, къ изумленію своихъ хозяевъ, оказывается живымъ и вполнѣ здоровымъ. «Какъ еще ночь эту спаль?» спрашиваетъ дьяволъ у него.—«Да ничего, спаль хорошо, только около полуночи, что-то ушипнуло за лобъ, какъ будто комаръ укусилъ». «Ну, и на работника же мы съ тобой, жена напали», шепчутся—дьяволъ и его жена; «ужъ какъ я обухомъ его треснуль по лбу?! А для него это—все равно, что комаръ укусилъ. Нужно теперь придумать другое средство... Вотъ что мы сдѣляемъ,.. совѣтуетъ дьяволу жена—«Возьмемъ ригачу» (выраженіе, означающее,—стопить «ригачу», насадить ее хлѣбомъ и обмолотить), и когда Пекко на ночь уйдетъ топить печь въ ней, ты поди и подожги «ригачу»; «ригача» сгорить, но и Пекко ужъ тогда не уцѣльется... Такъ совѣтуетъ дьяволу поступить—жна, а, между тѣмъ, Пекко все это за дверями подслушалъ и «на умъ» себѣ взялъ: ну, думаетъ, не такъ-то вы скоро отъ меня отважитесь; кто кого со свѣту сжигнетъ? Какъ задумали дьяволъ съ женой, такъ и сдѣлали: взяли ригачу,—насадили ее полную овса и Пекко посыпалъ на ночь топить въ ней печь... Топить Пекко ночь, а самъ на двери поглядываетъ, какъ бы изъ риги по добру по здорову удрать.. Вдругъ въ самую полночь—рига вспыхнула, со всѣхъ четырехъ угловъ загорѣлась. А Пекко уже приготовился бѣжать; схватить охапку соломы, и самъ—драло въ лѣсъ. Проспаль таинство утра, а утромъ, когда пожаръ прекратился, и изъ мѣстъ риги осталась только куча золы, прішелъ на пепелище, подоспѣлъ въ сторонѣ соломы подъ бокъ, свернулся калачемъ и уснулъ... «Ну, теперь, навѣрное, ужъ сгорѣлъ, разговариваютъ—дьяволъ съ женой, теперь п косточекъ работника пе отыщешь... Приходить на пожарище и ума не могутъ приложить?! Лежитъ Пекко на соломѣ и громко похрапываетъ... Все—около него сгорѣло, а онъ цѣль остался, и даже самая солома подъ бокомъ не задымилась. Ну, жена, говорить дьяволъ, нашего работника и огонь не жжетъ; вѣрно, придется намъ по добру по здорову бѣжать изъ своего дома, пока мы еще живы, пока работникъ нашъ не задумалъ еще убить насть.. Съ такой силой все можно сдѣлать...—Рѣшились дьявола и жена бѣжать изъ своего дома, задумали скрыться отъ сплата работника Пекко. Накупть хлѣбъ, сушать сухари, приготовляются въ дорогу—бѣжать... А Пекко, слушая за дверью, опять узналъ обо всемъ и думаетъ: «куда-то вы уѣхжите отъ меня? Куда то вы скроетесь отъ своего работника?» Напекли насыпали дьяволъ съ женой три цѣлыхъ мѣшка сухарей и уже назначили самый день, когда побѣгутъ: дьяволъ условился взять два мѣшка, а жена его—мѣшокъ. А Пекко, между тѣмъ, на канунѣ того дня, въ который условились дьяволъ и жена его бѣжать, высыпалъ изъ одного мѣшка сухари, убралъ ихъ подальше, и самъ забрался въ мѣшокъ и сидѣть молча, не жуистъ... Наступилъ, наконецъ, самый день побѣга... Дьяволъ, ничего не подозрѣвавъ, взвалилъ на плечи два мѣшка, въ одномъ изъ которыхъ сидѣлъ Пекко, а жена осталась—третій. Идуть спѣшать, подъ тяжестью мѣшковъ крахтѣть; прошли довольно большое разстояніе и задумали позавтракать: «теперь ужъ работягъ не догонитъ насть, если и захочѣтъ бѣжать за нами... Сняли съ плечъ мѣшки и только что начали сухари грызть, вдругъ Пекко и закричать изъ мѣшка: подождите немножечко, и я съ вами позавтракаю...—«Ой, жена,

говорить дьяволъ, слышишь?.. Кричать, догонастъ насть, и ужъ близко должно быть... Побѣжнишь еще дальше?.. Снова схватили мужъ и жена мѣшкы и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, утомились, захотѣли ѿстъ и рѣшились остановиться и отдохнуть. Опять сняли съ пласти мѣшкы, усѣлись, ужъ только бы сухари взять въ руки да грызть, вдругъ—слышать голосъ работника: Подождите немножечко, вмѣстѣ пообѣдаемъ; я сейчасъ буду съ вами...—«Жена, слышишь? Говорить дьяволъ, Пекко кричать, догонастъ насть и ужъ близко должно быть... Побѣжнишь еще дальше, азъ скроемся»... Снова схватили дьяволъ и жена мѣшкы и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, высунули языки, и отъ утомленія оба сразу пали на землю и издохли... А Пекко выбрался изъ мѣшка, забралъ изъ дьявольского дона все, что поцѣнишь, и пришелъ въ свою деревню, и снова стала жить по прежнему—пасты стадо коровъ. Такъ пастухъ избавилъ людей отъ «паналяйи».

Сообщилъ и перевелъ съ корельского языка:

Н. Лысковъ.
